

Лепешечная — это магазин, что находится в городе Душанбе. (<http://wikimapia.org/8198020/ru/%D0%9B%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D1%88%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F>);

На Тверской откроется *супная* Pho Fighters. По словам владельцев, заведение ориентировано на максимально быстрый, сытный и недорогой перекус. Основу меню составляет азиатская уличная еда: *суп* фо в нескольких вариациях и лапша с наполнителями. (<http://www.the-village.ru/village/food/new-place/248243-pho-fighters>).

Таким образом, можно говорить о росте продуктивности существительных адъективного склонения с деривационным значением «место, где продают и, возможно, готовят то, что названо производящим существительным». Эти слова представлены

двумя словообразовательными типами. К первому относятся производные, образованные с помощью суффикса *-н-* (*блин-н-ая, варенич-н-ая, суп-н-ая*), ко второму (менее продуктивному) — производные с суффиксом *-ов/-ев-* (*блинчик-ов-ая, пирожок-ов-ая, пончик-ов-ая*). Производные имеют адъективные флексии ед. числа жен. рода и мн. числа.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. — М., 1975.

Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967. — С. 229–235.

ОБСУЖДАЕМ, СПОРИМ...

И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ

Москва

О морфологическом разборе существительных в русском языке*

В статье предлагается изменить содержание традиционного морфологического разбора существительных. Такое изменение выступает как необходимое следствие признания смены классификационной парадигмы обучения русскому языку в русской школе на парадигму деятельностную, обеспечивающую овладение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для эффективного чтения — слушания / письма — говорения.

Ключевые слова: *морфологический разбор; имя существительное; лексическое значение; грамматическое значение; одушевленность/неодушевленность; род; число; падеж.*

Морфологический разбор занимает прочное место в преподавании русского языка в русской школе. Еще в начале нашего века его образцы помещали на фронтисписы школьных учебников, обещавших научить речевой деятельности и «стилям». В новейших школьных учебниках у морфологического разбора место более скромное, хотя само его присутствие в традиционном виде неизменно. Цель настоящей статьи в том, чтобы осмыслить,

каким образом традиционный морфологический разбор существительных соотносится с общими целями обучения русскому языку в русской школе.

Первый вопрос морфологического разбора самостоятельных частей речи «к какой части речи слово относится?», представленный во всех учебниках, абсолютно законный. Однако ответы на него могут различаться в зависимости от того, выделять ли местоимение как часть речи или распределять соответствующие слова среди других частей речи; признавать ли самостоятельной частью речи числительные (только количественные и собирательные, отличающиеся от существительных по таким характеристикам, как род, число, а в некоторых случаях и падеж, или и порядковые

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00053 (Перспектив грамматического языка для активных речевых действий).

Милославский Игорь Григорьевич, доктор филол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: igormil@hotmail.com

тоже, ничем «морфологическим» не отличающиеся от прилагательных). Оставлю в стороне и вопрос о том, различать ли наречие и категорию состояния, хотя бы поэтому, что в этом случае речь пойдет о неизменяемых словах, а морфология, как написано на с. 108 в учебнике для V класса (ч. 2) под ред. А.Д. Шмелева, «изучает особенности (по отношению к какому эталону? — И.М.) образования форм слова (как узнать, где «форма слова», а где «другое слово»? — И.М.) в составе предложения (а изолированно или в составе текста нельзя? — И.М.) и грамматические значения (что это такое и чем они отличаются от «других значений»? — И.М.), которые эти формы выражают». Раз нет форм — значит, нет предмета для морфологического разбора.

Не желая выходить за пределы обозначенной темы, не могу, однако, не отметить, что вопрос о частях речи очень старый и весьма запутанный по причине отсутствия принципа или упорядоченного набора принципов классификации слов по частям речи. Может быть, простое игнорирование этого вопроса и не худшее решение, однако представление о четырех самостоятельных частях речи как об аксиоме, не требующей доказательств, едва ли может способствовать развитию логического мышления учащихся и слишком явно противопоставляет изучение русского языка хотя бы школьным предметам естественнонаучного цикла (см. об этом ниже).

Следующее задание морфологического разбора «образовать начальную форму слова» можно только приветствовать. Ведь только образовав словарную форму, можно «войти» в толковый словарь, где нет *университетом*, *старыми*, *учился* (формы слова!), а вместо них соответственно *университет*, *старый*, *учиться*. Последние тоже формы, но они же и — «представители» всех морфологических форм. Их обычно 12 у существительных (6 падежей × 2 числа); 24 (6 падежей × 3 рода в ед. числе + 6 падежей во множественном) или 28 (с учетом кратких форм) у прилагательных (степени сравнения у которых — не формы, а самостоятельные слова, поскольку отличающая их семантика не реализуется регулярно); до нескольких десятков у глагола в зависимости от того, как трактовать формы причастий. Выбор одной из многих форм в качестве словарной — вещь условная: такой у прилагательных могла бы быть, например, полная форма жен. рода ед. числа, а у глаголов,

например, простая форма 1-го лица ед. числа наст. или буд. времени. Именно благодаря словарной форме можно не просто «войти» в толковый словарь, но и получить сведения о лексическом значении слова, т.е. о том, что оно значит без части значения, которая передается морфологически, а именно формой слова — ее окончанием (флексией). Нетрудно видеть, что «лексическое» и «морфологическое» в слове отнюдь не равноправны. Как неравноправны основа (членимая или нечленимая) и окончание, поскольку последнее, варьируясь, никак не может существовать само по себе, но лишь при относительно стабильной основе. А кроме того, набор разнообразных «значений», как бы их ни трактовать, у основ громаден, а у окончаний весьма скуден. Этим объясняется желание авторов учебников, старых и новых, включить в морфологический (*sic!*) разбор сведения, не относящиеся к морфологии. Я имею в виду вопросы, относящиеся к разным частям речи и формулируемые как «разряд по значению». Вопрос о том, является ли существительное нарицательным, т.е. обозначает целый класс «предметов», вычленимый языком и сознанием как однородный, или же называет единственный предмет его индивидуальным именем, хотя и часто имеющим омонимы, принадлежит к числу фундаментальных вопросов теории познания в философии и теории номинации в лингвистике. К морфологии же он не имеет прямого отношения, кроме отсутствия числового противопоставления у существительных собственных (см. об этом ниже). Включение этого вопроса в разбор, видимо, продиктовано желанием обеспечить правильное написание прописной/строчной букв в начале слова, что также заведомо не предмет морфологии.

Сложнее обстоит дело с одушевленностью — неодушевленностью. Будучи одной из семантических составляющих лексической части слова, эта характеристика, разумеется, не предмет морфологии. Однако она находит отражение в двух аспектах, относимых к морфологии. Именно она делит надвое три традиционных типа склонения. В зависимости от одушевленности — неодушевленности существительные муж. рода по-разному оформляют В. падеж обоих чисел (*вижу стол/слона, столы/слонов*), а жен. и ср. родов — В. падеж мн. числа (*вижу деревни/девушек, поля/насекомых*). Кроме того, в зависимости от

одушевленности — неодушевленности различается сочетаемость существительных с согласованными, определяющими словами, т.е. по-разному проявляется родовая принадлежность существительных (*вижу старый стол/старого слона; старые столы/старых слонов; красивые деревни/красивых девушек; зеленые такси/зеленых казаков*). Дело в том, что одушевленность — неодушевленность как семантическая характеристика слов (столь же непросто коррелирующая с представлениями, обыденными и научными, о живом и неживом, как и собственное/нарицательное именование) отнюдь не всегда в точности совпадает с морфологическими проявлениями этой же поименованию характеристики. *Мертвец* и *покойник*, *микроб* и *вирус*, «*Форд*» и «*Лексус*» и некоторые другие существительные, обладая одной семантической характеристикой морфологически (по типу склонения, т.е. по набору окончаний, и по роду, т.е. форме согласованных слов) часто ведут себя как слова с противоположной семантической характеристикой. И несмотря на то что таких слов крайне мало, вопрос о различении семантических свойств слова, т.е. его лексического значения, и его морфологических (и шире — грамматических!) свойств — принципиальный. Учащиеся непременно должны усвоить как фундаментальную мысль об асимметрии между действительностью, обозначаемой словом, и свойствами самого слова. Интуитивное представление о почти зеркальных отношениях между родом и полом, числом существительного и количеством предметов, временем глагола и обозначенного этим глаголом действия должно быть разрушено.

Для морфологического разбора существительных это должно иметь следующие следствия. Упоминания о «разряде по значению» следует исключить как не соответствующее объявленной задаче. Отнесенность к роду и типу склонения необходимо уточнить, опираясь отнюдь не на лексическое значение слова, связанное с одушевленностью — неодушевленностью, но на морфологическое проявление этих характеристик. Например, в слове *кукла* — (женское) одушевленное склонение и женский одушевленный род (*вижу красивых кукол*) при соответствующем неодушевленном роде и неодушевленном первом (женском) склонении для *вижу красивые деревни*.

Конечно же, определяя род и склонение существительных, полезно подчеркивать, что эти характеристики являются «постоянными», т.е. относятся ко всем формам разбираемого слова. Однако еще более полезно задуматься над тем, зачем следует выделять эти характеристики, заведомо являющиеся морфологическими, поскольку они относятся ко всем формам слова. Ведь именно тип склонения определяет набор окончаний самого существительного, а род — набор связанного с этим существительным определяющего слова.

Однако обе эти характеристики в принципе не имеют никакого отношения к семантике, т.е. к обозначению свойств реальной действительности. Род — характеристика, которая определяет исключительно сочетаемость слов, имея семантическую ценность только для слов общего рода. *Хороший староста, соня, Женя* — это о лицах мужского пола и *классная староста, забияка, Валя* — это о лицах женского пола. Точно так же *новая бухгалтер, президент, директор, секретарь* — это о лицах женского пола, а *новый хирург, канцлер, профессор* оставляют пол лица неназванным. Во всех других случаях родовая принадлежность может лишь активизировать ассоциации реципиента поэтического или иного художественного текста, но никак не обладает никакой семантической ценностью. Семантически опустошена и характеристика по типу склонения, за которой не стоит никакой характеристики реальной действительности.

Косвенное подтверждение обоих этих принципиальных обстоятельств учащиеся могут найти в английском языке, где род и тип склонения просто-напросто отсутствуют среди характеристик существительного, что, однако, ничуть не мешает использовать английский язык как для рецептивной, так и для продуктивной речевой деятельности. Ведь категории эти, если они есть, характеризуют устройство языка, никак не характеризуют отражаемую ими действительность.

Род и тип склонения в школьной практике преподавания русского языка как родного нужны исключительно для применения правил орфографии. Ведь многие из них регулируются именно родовой принадлежностью: *мышь*, но *камыш*, потому что *мышь* (ложь, вещь, речь и др.) — слова жен. рода, а *камыш* (нож, плоть, грач и др.) — слова муж. рода. *Письмецо, капиталец* пишутся

через *е* в суффиксе, а *лужица*, *книжица* — через *и*, потому что в последнем случае перед нами слова жен. рода, а в первом — ср. и муж. рода. Точно так же знание типа склонения вместе со знанием о падежной принадлежности определяет правописание окончаний существительных: *в городе, деревне, России, постели* (П. падеж), но *нет сосульки, мыши, станции* (Р. падеж).

Род и тип склонения важны для орфографии и совсем не важны для рецептивной речевой деятельности, т.е. для понимания при чтении и аудировании. При этом они исключительно ценны для обеспечения продуктивных речевых действий. Причем не только для орфографии при письме, но и для письма и говорения, требующих соблюдения чисто языковых правил. Именно правильной связи с определяемыми словами (род!) и правильного выбора окончания (тип склонения совместно с падежом!). Иными словами, если понимать разбор как процедуру исключительно аналитическую, род и тип склонения в нем вовсе не обязательны. А если как процедуру, обеспечивающую еще и соединение слов в словосочетания, предложения, тексты, то и род, и тип склонения (совместно с падежом) совершенно необходимы. Однако в последнем случае следовало бы исключить из названия обсуждаемой процедуры слово *разбор* и назвать соответствующую задачу как определение морфологических характеристик, подразумевая разную ценность выделяемых характеристик для рецептивной (чтение, аудирование) и продуктивной (письмо, говорение) видов речевой деятельности.

Совсем по-другому можно оценить такие морфологические характеристики существительного, как число и падеж. И главное здесь не в том, что они непостоянные, т.е. относящиеся не ко всем формам слова, а именно к данной, конкретной форме. С этими характеристиками, в отличие от рода и типа склонения, связаны и характеристики той «части» действительности, которые отражает не основа слова, а именно его форма, числовая и падежная, воплощаемая одновременно в одном окончании. В отличие от семантически пустых рода и типа склонения, эти характеристики должны быть непременно семантизированы, т.е. соотносены с обозначаемой ими действительностью.

Число как грамматическая характеристика очень часто совпадает с реальным

противопоставлением одного «предмета» двум, а также большему количеству «предметов». Может быть, полезно обратить внимание на то, что ед. число предмета — это обычно «один», а мн. число — это «от двух и до бесконечности», так что оппозиция отнюдь не равноправная. Самое важное — показать детям в процессе традиционного морфологического разбора, что «ед. число» — это отнюдь не всегда «один предмет», но нередко и множество однородных «предметов», как, например, в словах *толпа, молодежь, профессура, студенчество* и других так называемых собирательных существительных, где в отличие от обычного мн. числа (*профессора, студенты*) перед нами не множество отдельных «предметов», но безликая масса, состоящая из лишенных индивидуальности «предметов». «Знак» ед. числа может, уже под влиянием не основы, но более широкого контекста (очень невнятная формулировка!), меняться и на противоположный: *Здесь рыба водится; Клиент всегда прав; Водитель, стой!* и др. Рассогласованность между морфологией и семантикой может относиться и к формам мн. числа, где ситуация осложняется наличием слов с формами только мн. числа, которые могут обозначать и единичные предметы, и множество предметов (*очки, щипцы, ножницы, ворота, часы* и некоторые другие). Добавлю, что в этих случаях без наличия слов типа *одни/несколько* или весьма широкого контекста (*надел очки; из саней выпрыгнул солдат; от удара ворота затрещали*, где явно речь идет об одном-единственном «предмете») правильный ответ о «реальном количестве предметов» — это «неизвестно». Точно так же ответ «вопрос поставлен некорректно» — единственно правильный при семантизации числовой характеристики таких, например, слов, как *молоко* или *сливки* (вещества), *футбол* и *прятки* (названия игр), *Кавказ* и *Альпы* (географические названия). Едва ли целесообразно требовать от школьников точной семантизации всех числовых форм (здесь даже и академическая наука не всегда обладает бесспорными ответами), однако принципиально важно, во-первых, непременно пытаться провести такую семантизацию, допуская, и это во-вторых, в качестве абсолютно правильных и такие ответы, как «неизвестно» (недостаточно данных для определенного ответа) и «вопрос поставлен некорректно».

Та же необходимость семантизации (как соотносении с реальной действительностью,

отраженной в конкретной форме слова) касается и такой характеристики, как падеж. В отличие от числовой морфологической характеристики, которая сама «кричит» о своем содержании, хотя и далеко не всегда правдиво (см. выше), падежная форма сама по себе ни о каком содержании не говорит. Убедиться в этом легко, попытавшись представить разные падежные формы в некотором абсолютном вакууме. *Школа, школы, школе, школой* по смыслу при этом условии абсолютно ничем не различаются. Однако же они различаются сочетаемостными возможностями. Не только «подчиняющимися», которые предопределены родовой и числовой принадлежностью, но подчинительными. Это очень легко увидеть: *пришел из школы, обязан школе, гордиться школой* — это правильные словосочетания, а **из школой, *обязан школы, *заведовать школе* абсолютно неправильные. Сочетаемостный по своей сути признак, лежащий в основе выделения падежей, в определенных условиях (очень невнятная формулировка!) получает семантическую ценность. Ср.: *сын принес* (субъект), *сына принес* (объект) и *сыну принес* (адресат). Происходит то же самое, что и с противопоставлением муж. и жен. рода прилагательных. Совершенно лишенные собственного семантического наполнения не только «в вакууме», но и в соединении с подавляющим большинством существительных, эти формы вдруг (!?) обретают очень важную семантическую ценность, соединившись с существительными общего рода и обозначая в этих обстоятельствах мужской или женский пол соответствующих лиц (см. об этом выше).

Как известно, падежные формы могут выступать после предлога и без предлога. В последнем случае именно они позволяют нам увидеть субъект (*Отец приехал*), объект (*любить математику*), адресат (*подарить сыну*) и орудие действия (*резать ножом*). В этом различии нам помогает здравый смысл, часто предопределяющий, какие отношения возможны (или невозможны) между тем, что названо подчиняющим словом и подчиненной ему (связанной с ним) падежной формой. Однако в таких, например, случаях, когда устанавливаются роли «однородных» участников ситуации, только падежная форма эти роли и определяет. Ср.: *Татьяна любит Онегина* и *Онегин любит Татьяну*, где различие в ситуациях обозначено исключительно благодаря

падежным формам соответствующих существительных.

Примечание. В английском языке, например, где падежей нет, это различие осуществляется за счет порядка слов, согласно которому перед глаголами — субъект действия, после глагола — его объект. В русском языке порядок слов такой семантической роли не играет, однако может использоваться для подчеркивания большей важности того или другого участника события.

В тех же случаях, когда формы Им. и В. падежей совпадают, правильно понять смысл предложения невозможно, например: *болото окружает лес, рубль обскакал доллар, холодильник победил телевизор, бытие определяет сознание* и т.п. Короче говоря, определив падежную характеристику формы слова, следует непременно задуматься о том, стоит ли за ней какое-либо содержание, связанное с обозначением ролей участников ситуации. И если да, то какое же именно? При этом следует иметь в виду, что ни одна падежная форма не имеет обычно монополии на выражение некоторого содержания. Так, например, объект чаще всего может быть выражен В. падежом без предлога (*читать книгу*), однако это значение выражается и Р., Д., Тв. падежами (*желать успехов, мешать соседям, командовать полком*) и даже предложно-падежной конструкцией (*надеяться на удачу, ссориться с приятелем*).

В последнем случае именно предложно-падежная конструкция целиком, а не только падеж (см. выше) или только предлог выражает соответствующее содержание. Последний случай представлен после семантически ценных предлогов, «требующих» после себя одной-единственной падежной формы: *без билета, из Москвы, к стадиону* и т.п. Здесь падежная форма оказывается семантически совершенно пустой, а ее появление обусловлено только правилами сочетаемости слов, а не обозначением характеристик действительности. Замечу, что именно так, за малым исключением, и обстоит дело при выражении не ролей участников, а различных обстоятельств ситуации. Так же, как и в случае с числовой характеристикой, едва ли целесообразно требовать от учащих точной семантизации любых проявлений падежной характеристики. Необходимо, однако, как и с числом, непременно поставить вопрос о семантизации, допуская среди абсолютно

правильных ответов и такой, как «нулевая семантическая ценность» в тех случаях, когда падеж выступает лишь как средство соблюдения правил сочетаемости языковых единиц.

Остается лишь добавить, что несклоняемые существительные, не обладая формами числа и падежа, но обладая родом, не могут быть объектом собственно морфологического разбора. При этом, определяя тип склонения любого существительного, весьма полезно указать, есть ли у его парадигмы какие-либо отклонения от стандартной 12-членной. Если такие отклонения есть, то они касаются количества числовых форм (если только одно число, то какое именно?). Это поможет при семантизации числовых характеристик (см. об этом выше) и будет полезно не только для собственно разбора, но и для обеспечения продуктивных речевых действий (как и сведения о типе склонения и родовой характеристике существительного).

Что же касается традиционного вопроса о синтаксической роли слова, т.е. об определении того, каким членом предложения оно является, то это предмет отнюдь не морфологического, а синтаксического (по членам предложения) разбора. Замечу, что в учебниках морфологические разборы слов разных частей речи обычно венчают изучение морфологических характеристик конкретных слов в качестве повторительной (и углубляющей понимание) работы. Для этих целей рекомендую с. 5–26 из учебника для VIII класса под ред. М.В. Панова «Повторение и обобщение пройденного. Морфологический строй русского языка».

И в заключение — предложения по возможному усовершенствованию разбора существительного, предлагаемого в учебнике для V класса (ч. 2) под ред. А.Д. Шмелева (с. 148 в гл. «Чем различаются устная и письменная речь»).

Предлагаемый образец

А. Характеристики, относящиеся ко всем формам

1. К какому роду принадлежит существительное?

Ответы: 1) мужской неодушевленный; 2) мужской одушевленный; 3) женский неодушевленный; 4) женский одушевленный; 5) средний неодушевленный; 6) средний одушевленный; 7) общий; 8) другое.

2. К какому типу склонения принадлежит существительное?

Ответы: 1) I женское, неодушевленное; 2) I женское, одушевленное; 3) II мужское, неодушевленное; 4) II мужское, одушевленное; 5) III неодушевленное; 6) III одушевленное; 7) несклоняемое; 8) другое.

Если существительное несклоняемое, разбор заканчивается.

3. Какими признаками обладает данная форма существительного?

Б. Число

1. В каком числе выступает существительное?

Ответы: 1) в единственном; 2) во множественном.

2. Если существительное употреблено в ед. числе, то что таким образом обозначено?

Ответы: 1) один «предмет»; 2) множество предметов; 3) вопрос поставлен некорректно; 4) другое.

3. Если существительное выступает во мн. числе, то что таким образом обозначено?

Ответы: 1) больше, чем один предмет; 2) неизвестно; 3) вопрос поставлен некорректно; 4) другое.

В. Падеж

1. В каком падеже выступает существительное?

Ответы: 1) в именительном; 2) в родительном; 3) в дательном; 4) в винительном; 5) в творительном; 6) в предложном.

2. Если существительное выступает в Им. падеже, то что таким образом обозначено?

Ответы: 1) субъект действия (состояния); 2) объект действия; 3) другое.

3. Если существительное выступает в Р. падеже без предлога, то что таким образом обозначено?

Ответы: 1) объект действия; 2) принадлежность; 3) другое.

4. Если существительное выступает в Д. падеже без предлога, то что таким образом обозначено?

Ответы: 1) адресат; 2) субъект состояния; 3) другое.

5. Если существительное выступает в В. падеже без предлога, то что таким образом обозначено?

Ответы: 1) объект действия; 2) продолжительность действия; 3) другое.

6. Если существительное выступает в Тв. падеже без предлога, то что таким образом обозначено?

Ответы: 1) орудие действия; 2) субъект действия; 3) объект действия; 4) подобие; 5) место действия; 6) время действия; 7) другое.

Примечания к образцу

1. Графа «другое» позволяет уклониться от неплодотворного обсуждения тех случаев,

которые, являясь относительно редкими, не имеют общепринятой трактовки в современной русистике.

2. Ограничение вопросов относительно значения падежных форм только беспредложными связано с трудностями, возникающими при разграничении: 1) падежных форм, выступающих после предлогов, лишенных собственной

семантической ценности и требующих после себя одного-единственного падежа (*приехать из + Р. надеж, подойти к + Д. надежи* и т.п.); 2) падежных форм, выступающих вместе с десемантизированными предлогами (*надеяться на отца* — «объект», *влиять на погоду* — «объект»); 3) падежных форм, снимающих омонимию предлогов (*в Москву и в Москве, с лошадыо и с лошади*).

В.Н. БАЗЫЛЕВ

Москва

Возможны варианты, или Как наставлять обучающегося в учебной исследовательской деятельности

В материале обсуждаются варианты работы учителя по организации учебной исследовательской деятельности обучающихся. Предлагается алгоритм организации самостоятельной исследовательской работы обучающегося.

Ключевые слова: учебно-исследовательская деятельность; научный тип мышления; креативная стратегия; компетентность.

Данная статья — это своеобразный промежуточный итог многолетнего авторского наблюдения над процессом и результатами учебной исследовательской деятельности школьников, а также личного участия в процессе подготовки обучающихся к названной деятельности. Так как автор — филолог, то и проблема обсуждается на материале филологии.

Несмотря на многообразие имеющихся в распоряжении учителя рекомендаций и соответствующих пособий, выполнение требования к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования в части формирования коммуникативной и языковедческой компетенции в процессе учебно-исследовательской деятельности остается сегодня актуальной для учителя.

С нашей точки зрения, проблема в том, что учитель и ученик воспринимают учебно-исследовательскую деятельность как элемент предметного обучения. Следовательно, первый шаг, который необходимо сделать, отказаться от предметности в обучении исследовательской деятельности. Это именно наставление — диалог

(или полилог), а также сама деятельность в ее понимании А.А. Леонтьевым [Леонтьев 2007].

Начало начал лежит в диалогическом общении с учеником, которому следует задать первый и самый главный вопрос после того, как он самостоятельно высказал желание или откликнулся на призыв наставника заняться исследованием, — вопрос: что тебя интересует? Ответ может быть самым неожиданным, например: «Меня интересует проблема внеземных цивилизаций» или «мне интересно, почему на вывесках есть буквы, отсутствующие в современном русском алфавите...»

Важен интерес. Главное — нельзя предлагать ученику список, из которого он должен выбрать одну из тем, так как в этом случае старшеклассник воспринимает свою деятельность как упражнение, которое нужно выполнить по определенному образцу. Следовательно, не развиваются такие качества личности, как самостоятельность, креативность, самооценка. Задавая тему, учитель практически сделал всё: ученику остается только ждать подсказку, корректировку и проверку сделанного, оценку со стороны учителя. Представление о том, что не учитель в итоге оценивает работу, а эксперты в ходе участия ученика в конференциях, олимпиадах и пр., — становится нерелевантным. При несоответствии оценки у ученика появляется вполне

Базылев Владимир Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры общего и прикладного языкознания МПГУ.

E-mail: vladimir@4unet.ru